

УДК 32.019.5:070.1

**ОППОЗИЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ: ПОИСК РОЛИ И МЕСТА
В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(на материале «Нашей газеты» 2002 – 2006 гг.)**

A. A. Бугаец

**THE OPPPOSITIONAL EDITION: SEARCH OF THE ROLE AND THE PLACE WITHIN
THE LIMITS OF POLITICAL PROCESS (on the material «our Newspaper» 2002 – 2006)**

A. A. Bugaets

Статья посвящена особенностям критического освещения деятельности органов власти оппозиционным печатным изданием. Выделенные особенности соотнесены с представлениями о качестве информации, которое способствует налаживанию социального диалога. В результате анализа установлено, что информационной политике газеты свойственны черты монолога. Журналисты сосредоточены на поиске виноватых, концентрируют внимание на личных качествах политиков, преимущественно федерального уровня. Обстоятельства, в которых принимаются решения, авторами не учитываются. Не анализируются причины и условия конфликтных ситуаций, почти не сообщаются сведения, как аудитории эффективно противостоять ущемлению интересов.

Article is devoted features of critical illumination of activity of authorities to oppositional printing editions. The allocated features are correlated with representations about quality of the information which promotes adjustment of social dialogue. As a result of the analysis it is established that lines of a monologue are peculiar to the information policy of the newspaper. Journalists are concentrated to search guilty, concentrate attention to personal qualities of politicians, mainly federal level. Circumstances in which decisions are made, aren't considered by authors. The reasons aren't analyzed and conditions of conflict situations, almost aren't informed data as audience effectively to resist to infringement of interests.

Ключевые слова: оппозиционное издание, социальный диалог, качество информации, эмоции.

Keywords: the oppositional edition, social dialogue, quality of the information, emotions.

Демократия невозможна без оппозиции и оппозиционных СМИ. Роль оппозиции, её место в политическом процессе достаточно определены: оппонировать власти, выступать её противником. В то же время предназначение оппозиционной прессы выглядит не столь однозначным.

Выступая против власти, оппозиция – логически – должна что-то или кого-то поддерживать, выступать «за». Политические объединения поддерживают своих кандидатов, свои идеи, представляемые социальные группы. Оппозиционные СМИ, которые не декларируют себя официальным органом политического движения, как представляется, должны выступать «за» рядового члена общества, выражать его волю и чаяния, отстаивать его интересы. Находиться на позиции простого человека.

Роль оппозиционной прессы передаёт обозреватель киевского бюро «Радио «Свобода» Сергей Киселев: «Во-первых, я хотел бы сказать, что сам термин... «оппозиционная пресса», он, на мой взгляд, не совсем точен. Пресса не должна быть оппозиционная, пресса должна оппонировать власти и оппонировать оппозиции, тогда это есть нормальная пресса. Но я прекрасно понимаю, что в наших условиях пресса действительно оппозиционна, поэтому давайте этот термин держать как рабочий, действительно, оппозиционная пресса» [1].

И всё же в идеале социально ориентированные оппозиционные СМИ, думается, противостоят всем, кто так или иначе ущемляет интересы человека – оппонируют и официальной власти, и любым другим субъектам политического процесса. На практике определить против кого выступает то или иное

издание, обычно легко. Но выявить, чью позицию оно занимает, сложнее. В качестве своеобразного индикатора соответствия позиции издания интересам общества можно рассматривать обратный интерес – аудитории к изданию. А это, в свою очередь, отражает реальный тираж газеты. Редакторы и журналисты оппозиционных СМИ могут привести массу аргументов, рационализирующих, почему публика не желает читать, вроде бы, серёзную «кусачую» прессу: особенности менталитета, политическая апатия, отсутствие у населения средств и прочее. Однако не последнюю роль, полагаем, играет качество критической информации.

То, что аудитория тоньше и умнее, нежели принято оценивать, доказывает исторический опыт. Так, в Кемеровской области в 1989 году на волне шахтёрского движения начинает издаваться оппозиционное издание «Наша газета». О её становлении историк Л. Н. Лопатин: пишет «...только 9 февраля 1990 г. обком партии, наконец-то, дал официальное разрешение на ее выпуск, сделав, таким образом, «Нашу газету» первым во всем Советском Союзе легальным, массовым, оппозиционным периодическим изданием. Сначала «НГ» выходила раз в неделю, затем – 2 раза, а с июля 1991 г. – 3 раза. Кроме кузбассовцев ее подписчиками стали жители более 400 населенных пунктов СССР, посольства всех крупных стран в Москве, частные граждане, живущие в США, Канаде, Австрии, Австралии, Франции, ФРГ и др. Даже, когда в СССР газетный бум упал, «Наша газета» продолжала долгое время оставаться самой массовой газетой Кузбасса» [5, с. 130 – 135].

Подтверждением популярности издания служат и слова тогда ещё председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов, будущего губернатора, которого цитирует и комментирует Л. Н. Лопатин: «...Люди за этой газетой в очередь стояли, как за водкой», – с раздражением и упреком обкомовским идеологам говорил А. Г. Тулеев в феврале 1990 г... (Водка тогда продавалась по талонам всего в нескольких магазинах даже крупных городов. Величина очередей и эмоциональный настрой в них были соответствующими)» [5, с. 130 – 135]. «Без большого преувеличения, – приходит к выводу историк, – можно сказать, что газета стала любимой в народе. Как были любимы в то время еженедельная газета «Московские новости» и журнал «Огонек». Потому-то редакторы очень скоро нашли ей блестящее по смыслу название «Наша газета»».

Один из бывших соредакторов газеты В. Б. Попок в своём блоге вспоминает о ситуации 1990 г. – начале выпуска «Нашей газеты»: «К лету тираж достиг 150 тысяч экземпляров. Прошу заметить: наш стартовый капитал составлял 200 рублей. Сейчас, может быть, тысяча 20. Этого хватило на 100 кг бумаги и типографские услуги. Журналистская работа – бесплатно. Экспедирование – бесплатно, на машинах мужиков из рабочих комитетов её возили. Распространение – в рабочих комитетах, кто хотел – брал бесплатно, но просили сколько-нибудь платить. И после нескольких номеров «СТК» мы, можно сказать, заботители, смогли заарендовать три кабинета и обзавестись мебелью и пищущими машинками» [9].

В последующий период – 1992 – 1997 гг. – «Наша газета» перестаёт быть оппозиционным изданием, поскольку руководящие должности в органах власти и управления занимают многие представители рабочего движения, выразителем интересов которого газета изначально была. Однако после 1997 г. и до настоящего времени газета вновь возвращается к оппозиционной ориентации. При этом читательский интерес заметно утрачивается, тираж снижается. Причиной спада интереса, по нашему мнению, стал переход политики оппозиционного издания в сферу политического монолога. Монологу власти редакция противопоставила монолог её противников, но не более. Внимания к нуждам обычного человека за этой борьбой уделяется недостаточно, что, скорее всего, и понял интуитивно читатель. В то же время фактором социальной стабильности, мы считаем, является именно диалог.

С. Г. Кара-Мурза, рассуждая о причинах разрушения советского строя, отмечает: «Именно невозможность диалога привела к тому, что потенциально плодотворный конфликт ценностей был подавлен и, не давая выхода назревшим противоречиям, толкал инакомыслящих в ряды убеждённых противников строя» [4, с. 75]. В процессе постсоветских (демократических) преобразований условия для полноценного диалога, как видится, так и не созданы, и фактически повторяется прежний сценарий – противостояния политических сил, обостряющегося, в том числе, с помощью СМИ.

Е. В. Гроздова усматривает в оппозиционных СМИ важнейший инструмент реализации ненасильственного воздействия на властные структуры. Но вместе с тем она признаёт, что, «независимо от нашего желания, в современном мире важную роль играет именно партнерство – отношения неконфронтационного характера, основанные на демократических принципах, равенстве и доверии, что и создает базу для согласия и солидарности» [2]. Насколько успешно будет реализован социальный диалог, подчёркивает исследовательница, зависит от понимания его сущности и механизмов как учредителями, владельцами, организаторами СМИ, так и простыми журналистами.

Сущность социального диалога, на наш взгляд, состоит в том, что стороны – общество (граждане) и власть – сосуществуют не параллельно, а координированно, учитывают интересы друг друга. К интересам общества можно отнести потребность знать. Не в последнюю очередь – знать, каким образом и кем осуществляется власть. Очевидно, в первую очередь, читателя будет интересовать информация, связанная с местом его постоянного пребывания: деятельность органов муниципального управления, региональных органов власти. Несколько в меньшей степени – федеральное звено. При наличии таких сведений у людей появляется возможность выполнять, как минимум, контрольную функцию. Кроме того, гражданину важно и нужно быть услышанным, получать отклики на свои проблемы, ощущать реакцию власти на них.

В свою очередь, к интересам власти (до сих пор не совсем ею осознаваемым) стоит отнести адекватное понимание гражданами механизмов, особенностей и, самое главное, трудностей в реализации власти, в принятии решений микро- и макромасштаба. В условиях же, когда стороны противостоят друг другу, предпочитая диалогу монолог, интересы обеих сторон не могут быть удовлетворены.

Монологичность власти проявляется себя, например, в том, что государственные руководители «не опускаются» до объяснения причин, почему принято то или иное решение, почему та или иная ключевая фигура (к примеру, вчерашний соратник) отправлена в отставку и т. д. Традиция, вероятно, унаследована с советских времён, когда использовались дежурные формулировки «в связи с переходом на другую работу», «по состоянию здоровья». Другой характерный признак – игнорирование, а чаще неприятие и подавление критики в свой адрес вместо чёткого объяснения своей позиции, обоснования своих действий, решений. У представителей власти преобладает убеждённость, что объяснение равнозначно оправданию, оправдание же – признак слабости. Наиболее распространённая реакция на критику – обращение в суд и правоохранительные органы, работники которых, очевидно, в силу инерции мышления, считают высокий пост заявителя особо значимым фактором, и принимают решения в интересах критикуемого, порой весьма спорные.

Так, в августе 2010 правоохранительными органами по заявлению губернатора Кемеровской облас-

ти возбуждено уголовное дело по факту клеветы (ст. 129 УК РФ) в отношении журналиста А. В. Сорокина. Основание – критическое высказывание, размещённое в его личном дневнике в сети Интернет. Заместителем прокурора Кемеровской области В. В. Сыровато 23 августа 2010 года подписано постановление об особом порядке производства по уголовному делу: «Учитывая, что преступление в отношении губернатора Кемеровской области Тулеева А. М. совершено в связи с его профессиональной деятельностью и имеет большой общественный резонанс...» [10]. Вот что пишет по этому поводу сам обвиняемый журналист-блогер: «Особого порядка для такого рода его (губернатора. – авт.) заявлений не предусмотрено (а, скажем, для министра, депутата, адвоката или судьи предусмотрен именно особый порядок, т. е. государство берёт их под защиту). Однако прокурор имеет право своим решением включить особый порядок, если считёт обиженного «пациента» нуждающимся в особой защите. Скажем, тот – глухой, слепой инвалид, лишённый возможности защититься самостоятельно. Вот эта операция, как обнаружилось из материалов дела, и была проделана в ходе сложной переписки между ГУВД, СУ СК и областной прокуратурой. Приправили к инвалиду. Лейтмотив обоснования особого порядка – «клеветник», т. е. я обидел не просто какую-то частную персону, а публичного политика, осуществляющего важные государственные функции. Причём «наклеветал» злодей именно в связи с осуществлением этих функций. То есть, как обнаруживается, в деле прямым текстом зафиксировано, что всё личное как бы отринуто, на первый план выдвинута деятельность заявителя как должностного лица и публичного политика» [10].

На наш взгляд, такая практика только увеличивает дистанцию между гражданами и властью. Но особенно, как нам кажется, усугубляет разрыв с народом стремление власти к «некрологизации» своей деятельности: создание таких условий, при которых СМИ вынуждены писать о представителях государства исключительно хорошо. В конечном итоге это приводит к дезориентации населения, непониманию гражданами природы общественно-политического устройства, механизмов государственного регулирования, к представлениям наподобие «булки растут на деревьях», когда государство функционирует как бы само собой. Укрепляется вера в то, что органы власти не прикладывают каких-либо усилий. Усилий не требуется и от самого гражданина.

Характерные признаки монологичности можно выделить и у оппозиционных СМИ. Первое, что отмечено нами в ходе наблюдений, – подверженность авторов фундаментальной ошибке атрибуции. Журналисты сконцентрированы на поиске виноватых, и при этом всё их внимание обращено на личные качества персонажей. Авторы убеждены: чиновники поступают плохо в силу отрицательных черт характера («потому что все чиновники коррумпированы», «чванливы» и т. п.). Крайне редко оцениваются те условия, обстоятельства, в которых представителям государства доводится принимать решения. Итогом

такого отношения становится формирование образа врага в лице власти. Как результат, у аудитории может создаваться обманчивое впечатление, что для решения тех или иных проблем достаточно сменить «плохого чиновника» на «хорошего». Однако обстоятельства, в которых вынужден действовать вновь назначенный, на которые не обращает внимания журналист (и соответственно аудитория), вынуждают назначенца действовать непопулярно. В итоге общество приходит к выводу, что «во власти все одинаково плохи».

Следствием монологичности с концентрацией внимания прессы на виновности представителей власти является возникновение и накопление у аудитории отрицательных эмоциональных реакций. Но отрицательные эмоции препятствуют развитию личности во многих сферах жизнедеятельности, в том числе политической сфере. Такие эмоции, «как правило, обеспечивают сохранение того, что уже достигнуто эволюцией или индивидуальным развитием субъекта» [7, с. 63]. Л. В. Трубицкина вообще считает, что ориентация СМИ на поиск причин и виновников происшедшего – ориентация на прошлое – тупиковая, травмирующая психику. Такая ориентация заставляет «фиксировать своё внимание на том, «что было бы, если...», а не на том, как жить дальше, как справиться, какой опыт можно извлечь на будущее, как сделать, чтобы событие не повторилось, как лучше ликвидировать его последствия и т. д. «К сожалению, – констатирует исследовательница, – в СМИ почти никогда не делается подобный акцент на «как», т. е. нет ориентации на будущее» [8, с. 34].

Самостоятельный приспособительное значение между тем имеют положительные эмоции, которые побуждают живые системы активно нарушать достигнутое «уравновешивание» с окружающей средой [3, с. 101]. П. В. Симонов считает, что «важнейшая роль положительных эмоций – активное нарушение покоя, комфорта, знаменитого уравновешивания организма с внешней средой» [7, с. 52].

Как отреагирует читатель на критический материал, будет ли его реакция носить созидающе-активирующий или агрессивно-оборонительный потенциал, всё это, по нашему мнению, определяется политикой редакции: старается она наладить взаимообмен информацией (диалог) или же нацелена на одностороннюю презентацию, пропаганду идей (монолог). Чтобы определить, какие черты – диалога или монолога – в действительности присущи критической информации в оппозиционном издании «Наша газета», мы проанализировали содержание материалов (преимущественно аналитических), направленных против представителей власти, опубликованных в 2002 – 2006 гг. [6]. Всего проанализирована 621 публикация.

Для измерения воспользовались шкалой интервалов: оценка сообщений производилась в диапазоне от «-1» до «+1». Во-первых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос «кто виноват» (в координатной плоскости – ось ординат). Если в материале указывалось конкретное лицо, виновное в

нарушении прав граждан, а также описывалось, какие его действия привели к негативному результату, то сообщению присваивалась оценка «+ 1». Отсутствие конкретизации, кто виновен в нарушении прав, ущемлении интересов, при наличии сведений, к какому органу (ветви) власти принадлежит виновное лицо («администрация президента», «администрация области», «депутаты государственной думы» и пр.), давало основание выставить «0». При наличии абстрактных обобщённых обвинений («власть», «чиновники», «бюрократы» и т. п.) сообщению присваивалась оценка «- 1».

Во-вторых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос, «что делать» (ось абсцисс). Когда в материале предлагался конкретный план действий, приводился пример, как некий субъект успешно справился с ситуацией, добился защиты своих интересов, победил в противоборстве с властью, сообщению ставилось «+1». При одной лишь констатации факта нарушения интересов, описании конфликта – «0». Когда же автор говорил о бесмыслии проявления политической активности, безнадежности действий граждан в защиту своих интересов, сообщение оценивалось как – 1.

Значения по каждому фактору суммировались, затем высчитывалось среднее. Материалы также дифференцировались по уровням власти: федеральный, региональный, муниципальный (органы местного самоуправления), а также смешанный – когда критике подвергались представители сразу нескольких уровней.

Исходный посыл: качественный – диалогичный – характер критика будет иметь в том случае, если в выступлениях даются содержательные (со знаком «+») ответы на «извечные вопросы русской интеллигенции»: «кто виноват» и «что делать». В прямоугольной системе координат – это первый координатный угол.

Результаты анализа:

1. Подавляющее большинство критических материалов (79 %) нацелено против представителей власти федерального уровня. На региональный уровень власти приходится 10 % общего числа материалов, на уровень органов муниципального управления – 5 %. Разные уровни одновременно критиковались в 6 % случаев.

2. Критика редко носит персонифицированный характер (+1 по фактору «кто виноват» = 14 %). Чаще всего из журналистских материалов можно установить лишь то, к какому органу (ветви) власти принадлежит объект критики (0 по фактору «кто виноват» = 49 %). Немалую долю в выступлениях оппозиционных журналистов занимает критика абстрактная – власти вообще (- 1 по фактору «кто виноват» = 37 %).

3. Из содержания критических сообщений почти невозможно почерпнуть информацию о том, как вести себя, чтобы избежать негативных последствий во взаимодействии с властью (+1 по фактору «что делать» = 5 %). В большинстве случаев журналисты

просто описывают, а не анализируют конфликтные ситуации (0 по фактору «что делать» = 81 %). Нередко до аудитории доводится мысль о бесполезности и бесмыслии какой-либо политической активности, невозможности противодействия произволу власти (- 1 по фактору «что делать» = 14 %).

4. Средние значения по каждому фактору составили: «кто виноват» (ось ординат) = – 0,2; «что делать» (ось абсцисс) = – 0,09. Если отобразить эти данные в координатной плоскости (на своеобразной ментальной карте), то усреднённая критика займёт место в III координатном углу, зеркально отражающем пространство социального диалога.

Таким образом, журналисты «Нашей газеты» (рискнём предположить, что тенденция свойственна и другим оппозиционным изданиям) действительно заинтересованы не столько в трансляции качественной критической информации, сколько в дискредитации представителей власти, прежде всего федерального уровня. Из чего следует: пока они недостаточно приблизились к пониманию сущности социального диалога, признанию его важности. Обвиняя моновласть, авторы пользуются её же средством – политическим монологом. Это, мы полагаем, свидетельствует о необходимости повышения политической культуры, по крайней мере, творческих работников данного средства массовой информации.

Литература

1. Власть и пресса. Радио Свобода, 27.04.04 // <http://archive.svoboda.org/programs/avp/2004/avp.042704.asp>.
2. Гроздова, Е. В. Оппозиционная пресса в социальном диалоге / Е. В. Гроздова // Медиаскоп. – № 4. – 2010г. // <http://www.mediascope.ru/node/690>
3. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб, 2001.
4. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2005.
5. Лопатин, Л. Н. История рабочего движения Кузбасса 1989 – 1991 гг. / Л. Н. Лопатин. – Прокопьевск: Пласт, 1995.
6. «Наша газета» (Российское издание из Кузбасса). 2002 – 2006 гг.
7. Симонов, П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций / П. В. Симонов. – М., 1970.
8. Трубицина, Л. В. Средства массовой информации и психологическая травма / Л. В. Трубицина // Проблемы медиапсихологии: материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития»: сборник (сост. Пронина Е. Е.). – М., 2002.
9. Vas-pop, 22.11.2010 // <http://vas-pop.livejournal.com/127572.html>.
10. Commentator40, 21.06.2010 // <http://commentator40.livejournal.com/284908.html>.